

Илья Кнабенгоф

Суший зверь

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
К53

Кнабенгоф И. Л.

Суций зверь / И. Л. Кнабенгоф — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 188 с.

ISBN 978-5-532-04976-5

Книга повествует о подростках не от мира сего, с мировоззрением, отличающимся от общественного мнения, которые в какой-то момент взмолились, чтобы их забрали с этой планеты. Неожиданно их просьба была услышана, и к ним из неведомого, иного мира направляется таинственная пара. По ходу сюжета автор описал и личные жизненные ситуации, там же присутствуют различные познавательные исторические факты. Это фантастика, которая может случиться с каждым, если человек не потерял надежду и чист сердцем. Эта книга о тайне, которая всегда рядом с нами, о ежедневных чудесах, остающихся незамеченными. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-04976-5

© Кнабенгоф И. Л., текст, 2013
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

«И просящему дано будет!» (с) Евангелие

Начало. Банально не замеченное

Шлагбаум.

Чёрные, словно сажа, птицы лениво поднимаются из травы в серую мглу, кружат над стеблями вереска и падают обратно хлопьями пепла. Сеточка ветвей тощих деревьев расчертила видимый край земли на позволительное глазу расстояние. Сквозь стену мороси в землю падают капли, словно медные пули со свинцовым наконечником калибра 9 x 19, словно неумолимые бомбы, дробя в крупу жизнь маленьких обитателей мира степей бескрайних и родных. Природа объявила сегодня большую стирку с предварительным отмачиванием и поставила отжим на максимум, но об этом пока никто не знал. И лишь одна земная ось, одно-одиначное в незыблемости, за что можно зацепиться пуговицами внимательных зрачков, – шлагбаум.

Вот уже вторые сутки перед глазами постового Наливайко В. В. маячил этот злосчастный и полосатый, заградительный по всем статьям объект. Всё было как назло, и конь не валялся, и сельдь не в бочку. За воротником образовались лужицы. В ногах устроились усталость и чавканье. Коленки прилипли к форменным полицейским брюкам. Конечно, было положено по уставу сутки дежурить да блюсти, а после службы пятьдесят с капустой и под одеяльце. Но у сотоварища по подразделению, Подливаева Д. А., замаячил кутёж нежданный, то ли свадьба, то ли поминки, и, вложив в лапу должностную взятку, а по факту помятую трёшку, он решил этот вопрос в пользу похмелья себе и в две бессонные ночи боевому товарищу.

– На вот, Наливайко, и ни в чём себе ни-ни!

– Да п-а-шёл ты, Подливаев, да в баню да без пива!

И теперь, с трижды проклятой на времена бесчисленные трёшкой в кармане брюк, стоял первый герой нашего литературного опуса на посту с надписью «ГАИ». И было на посту четыре тридцать утра, аки и на давненько сломанных часах пожилой тётки Наливайко, что собирали пыль, хорохорясь дореволюционной историей, в гостиной этой самой гражданки на стене пред редко появляющимися гостями.

Да ведь и часы её сломались не просто так, а по плевку проклятия, кое тёща изрекла вместе со слюной в пространство, адресуя его всея судьбе и раннему подъёму на работу. Ну да это уж год как прошёл, а нынче погодка как нельзя кстати способствовала реализации этого самого заговору. Туман клочьями стелился по дороге, протягивая свои эфемерные руки к совершенно поникшему носом и душой служивому, навевая жуть и трясучку. Одиночество давило на совесть. Нос покраснел. Глаза слипались. На ум приходили гадости. Мерзко хихикали из тёплого местечка нехорошие мыслишки, вертели хвостами сомнения.

И в какой-то неуловимый момент, который хорошо знаком дальнобойщикам с большим стажем, усталость отступила, и в груди мягко заурчало теплом. Коты не в счёт. Рыбы нет, сметана по талонам. И как-то легко стало и комфортно.словно с голоду да холоду рюмашку опрокинул да у печки натопленной сел. Да-да, дорогие водители, именно это означает, что вы уже спите, а ваша тапка всё давит и давит на педаль газа. Герою этого абзаца повезло больше, ибо он никуда не ехал и даже не собирался. В. В. просто привалился к опорной башне шлагбаума и, уткнувшись ухом в левый погон, легонько и с хрипотцой всхрапнул. Совсем чуть-чуть. Так... Хр-р-р-р...

Встреппенувшись спустя неположенное, постовой с государственным достоинством оглядел вверенное долгом пространство. Ничто не изменилось. Ничто продолжало лезть в глаза своей отсутствующей физиогномикой. Пустое шоссе клубилось утренним маревом турецкой бани. На горизонте бескрайних полей виднелись крайние дома большого города с нелогичным названием, куда асфальтовая лента убегала одним своим хвостом, слегка ощериваясь колючками дорожных знаков. Обернувшись, полицейский внимательно всмотрелся в противоположный хвост, уходящий плавными зигзагами в некошенный вереск. Никого. Казалось, ни одной машины в этот час не урчало на всех дорогах мира. Хотя в небе Земли, как и всегда, находилось около восемнадцати тысяч самолётов. Но они не в счёт. А некоторые мы и вовсе высоты боимся. Так что и вовсе нефиг.

Между прочим и во все слышимые говоря, страхотень высотушная, которой многих из нас шпыняли сверстники в оголтелом детстве, имеет много разных проявлений и кривит рожи из мглы непоставленных диагнозов на разный манер. И ближе всего к сердцу нашему она, родимая, – боязнь шатких конструкций. На научном языке и в медицинской интерпретации она озвучена фонетически не выговариваемым сочетанием звуков и не поддающимся разуму смыслом. А и пёс с ним! Но есть по этой психологической занозе следующее наблюдение многих наших сограждан, пострадавших чувством собственной важности вследствие несущегося в спину извечного победного клича «Трусишка!». Страх перед шаткими конструкциями, сделанными руками людей, одетых в удобную рабочую одежду, никак не связан, как оказывается на поверку и опытным путём, с предметами, созданными самим нашим главным конструктором мира Господом Богом. Поясню основательно, но кратко.

Ты можешь быть бесстрашным покорителем отрицательных стен в горах, штурмывая ледники и приводящие в ужас скалы, сидеть, свесив ножки, на отвесном обрыве околожутной висючести, но при этом ни шагу дальше к перилам балкона собственной квартиры, находящейся на банальном четвёртом этаже. В упоении кидая самолёт в пике али вжимаясь в пилотное кресло на крутом вираже, не сможешь пройти по трубе теплоцентрали, которая на высоте каких-то жалких десяти метров связывает два соседних района, пролегая над рекой, что плещется в овраге. И во всех этих тонкостях психологии по теме поведенческих ступоров гаишник, описанный выше, не понимал ни пса. Он и вовсе был не в теме. И не положено ему было. Ну и всё. В общем, честь отдавать было некому.

В. В. поёжился от пробиравшей его до костей мокрючести и плотнее уткнулся носом в воротник с биркой, утратившей буквы и цифры. Капли дождя, грозящие всему живому малого размера в травушке окольной, блестели на полосатой, красно-белой балке шлагбаума. Они же серебрились на стенах небольшой гаишной, напоминавшей сторожевую детского лагеря будки и собирались в необъявленные общества на фуражке. И хотя всё вокруг шептало Наливайко, что сейчас самое время покемарить минут эдак пятна-

дцать, развитое годами чутьё неожиданно подало сигналы тревоги. И не как раньше, вроде того: «...ой, я шо-та чую почутка, но трохи без уверенности». А таки заголосило в сей же час, что твоя сирена «по форме один» на непотопляемой подводной лодке, которая, как часто бывает, внезапно камнем шарахается ко дну со всея экипажем. Ну, да у нас это часто бывает, так что вы в курсе.

Служивый завертел головой. Навострил уши. И даже вытянул шею, отчего стал похож на заправского казахского суслика в степи. Казахи, расслабьтесь, вы тут вовсе ни при чём, и книга не про вас. В воображении постового закрутился синий проблесковый маячок. Стой, кто идёт? Кстати, вы когда-нибудь слышали, чтобы представитель власти произнёс именно это выражение, столь часто поминаемое в киноиндустрии? Я вот не слышал ни разу.

В этот по всем сценариям ответственный момент наполненный водяной взвесью воздух всколыхнулся над асфальтом прямо за спиной Наливайко. Дрогнуло, словно над костром в лесу. Поплыло горячим дыханием, что над твоей рекой в предраассветный час. И ровно в тринадцать шагах за широкой полицейской спиной на дороге появился странный субъект в сопровождении пса. Субъекта оставим на потом. По нему многие списки плакали, а если честно, он ни в одном не значился. Да и пальцы его тосковали отпечатками, ибо их и вовсе не было. Ни фамилии, ни роду, ни племени. Зонт, шляпа да пальто. О них позже и часто.

А вот пёс заслуживал отдельного внимания прежде прежнего. Был он неопикуемой клочковатой породы, ростом и весом напоминающий среднеазиатского «пожалуйста, крепче держите поводок», чёрной свалывшейся шерсти, торчащей на холке по-волчьи али дикобразно. Несоразмерно огромная чёрная же голова была бультерьерно прикручена к лохматому туловищу, а торчащие во все стороны из пасти заточенные иглоподобные зубы были издевательством даже для платной стоматологии.

Дикая характером помесь гигантской крысы и крокодила обладала понятливым человеческим взглядом глубоко посаженных внимательных глаз с грустью в поволоке.

Выше абзацами означенный хозяин пса (а вот и добрались) был очень высокого роста, возрастом явно переваливший за, но чутко не добравшийся до, а может, и вовсе застрявший в вечности. Одет он был в длинное пальто, бывшее, видимо, когда-то чёрным, но от затасканности приобретшее столь любимый временем седой оттенок с запахом нафталинового шкафа. Небрежно накрученный, пыльного цвета шарфик скрывал шею. Стриженую седую голову венчала надвинутая на глаза миссионерская шляпа с прямыми широкими полями такого же забытого в шкафу цвета, как и пальто. Лицо было исхудавшим, с ввалившимися небритыми щеками и напоминало хищную птицу своим длинным острым носом с горбинкой. Прозрачные глаза, не мигая, смотрели на маячивший в туманном горизонте беспорядочно населённый пункт. Память у меня плохая, так что названия его я таки не помню, хоть и пытаюсь честно выскребать сие из памяти уж во второй раз за последние несколько страниц. Город как город. Почта, вокзал, телеграф, улица, фонарь, так себе аптека. А вот глаза, которые в данный перечисленный пейзаж прицелились ныне вполне снайперски, на выдохе, с выпрямленным указательным пальцем на спусковой скобе, заслуживают отдельно набранного буквами куска текста данной прозы.

О снайперстве. Широко во человецех бытует праздное мнение, будто меткость стрельбы целиком и полностью зависит от врождённых качеств офтальмологии али от приобретённой долгими годами тренировок выдержки как минимум в пять звёздочек.

Но таки на личном опыте мне посчастливилось убедиться, что данные общественные убеждения, аки и многие другие, оказываются на поверку пустыми бормотаниями поддержки случайно сложившейся беседы во имя бездарного убивания времени, коего, по всему виду, стало слишком до фига. Итак, когда-то, энное количе-

ство стрекотания стрелок часов назад, я решительно вступил на территорию стрелкового клуба своего города с целью научиться владеть боевым оружием. Всё, что я знал о нём доселе, было высмотрено в кинолентах, где герои мочили друг друга немилосердно и быстро, едва успевая менять обоймы, с двух рук, из-под боку и с разворота. Короче, цирк да и только!

Кучи трупов и залитая кетчупом съёмочная площадка. Между прочим, давно хотел посоветовать режиссёрам кинобоевиков заключить долгосрочные контракты с крупными компаниями-производителями на поставки кетчупа. Представьте, главный спонсор фильма «Бешеная резня лобзиком в Рязани» — компания «Балтийский кетчуп»! Учитывая, что в последнее время любовь зрителей к сценам насилия, расчленёнки, убийства и прочего подобного фарша не только не угасла, но и растёт, я уверен, что оговорённые цифры в литрах привели бы в трепет даже закупочных менеджеров «макдоналдсов». Извините, отвлёкся. И таки вот, мой первый визит туда ознаменовался выбором оружия по всем канонам киноиндустрии. То есть я выбрал для первого занятия пистолет, хотя бы отдалённо напоминавший мне те, которые я неоднократно видел в сценах массовых перестрелок в зарубежных фильмах. Им оказался наш родимый МР-446 «Викинг». Орудие убийства весьма серьёзное, калибром солидное, внешне угрожающее донельзя. И мой тренер по стрельбе, зарядив обойму, протянул мне в руку эту «смерть» и сказал: «Стреляй! Всю обойму!» Я, естественно, спросил: «Куда?» На что мне был дан ответ: «Да куда хочешь, только не в мою сторону. В любую мишень. Ты просто должен почувствовать его». Я послушно выпустил все пули в сторону мишени, старательно прицеливаясь так, между прочим, и, конечно, не попал практически ни разу. Всё ушло «в молоко». И только после этого тренер объяснил мне, что меткость стрельбы зависит по большому счёту от правильно выполненной техники. Это постановка рук и ног, распределение напряжения мышц, дыхание, движение пальца на спусковом крючке и тому подобные вещи. Он тщательно всё это показал и взял с меня обещание, что я буду заниматься дома неделю каждый день хотя бы по 40 минут на любом подходящем тренажёре, будь то пневмати-